

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.154>

ПРИОРИТЕТНЫЙ ХАРАКТЕР ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Научная статья

Карпеева Е.В.¹*

¹ORCID : 0000-0002-8224-0168;

¹Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (spelli1[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена одному из приоритетных направлений государственной политики в настоящее время – защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Автором предпринята попытка раскрыть сущность и значение принципа приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних в гражданском процессе с учетом научной дискуссии о соотношении понятий «охрана» и «защита» прав и законных интересов. Обосновывается, что приоритетный характер защиты прав и законных интересов детей может рассматриваться как нормативно закрепленное, обязательное правило поведения лиц, осуществляющих охрану и защиту прав и законных интересов ребенка, выявлять действительные интересы ребенка (с учетом возраста, состоянием развития ребенка и других факторов) и защищать именно их, даже если они вступают в противоречие с собственными интересами.

Ключевые слова: гражданский процесс, дети, защита прав несовершеннолетних, несовершеннолетние, принцип приоритетной защиты прав и интересов.

PRIORITY NATURE OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MINORS

Research article

Karpeeva E.V.¹*

¹ORCID : 0000-0002-8224-0168;

¹Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

* Corresponding author (spelli1[at]mail.ru)

Abstract

This article is dedicated to one of the priority areas of state policy at present – the protection of the rights and legitimate interests of minors. The author attempts to disclose the essence and significance of the principle of priority protection of the rights and interests of children in civil proceedings, taking into account the scientific debate on the correlation between the concepts of "protection" and "defence" of rights and legitimate interests. It is substantiated that the priority nature of the protection of the rights and legitimate interests of children can be regarded as a normatively enshrined, mandatory rule of behaviour of persons engaged in the protection and defence of the rights and legitimate interests of the minor to identify the actual interests of the child (taking into account the age, state of development of the child and other factors) and to protect them, even if they conflict with their own interests.

Keywords: civil procedure, children, protection of the rights of minors, minors, principle of priority protection of rights and interests.

Введение

С провозглашением Декларации прав ребенка [6, С. 385-388] и принятием Конвенции о правах ребенка [2] в отечественной цивилистической доктрине тезис о том, что ребенок является самостоятельным носителем прав, специальным субъектом права [5, С. 219] более не оспаривался. Внимание ученых обращено к вопросам осведомленности общества о правах детей и формированию правовой базы для вовлечения детей в процесс принятия решений по вопросам, влияющим на их жизни. Вопросы защиты прав несовершеннолетних ежегодно включаются в перечень приоритетных направлений социальной политики государства и обсуждаются на научно-практических конференциях. Но несмотря на столь пристальное внимание к проблеме защиты прав детей, в науке и практике до сих пор не сложилось единообразного подхода к реализации права несовершеннолетних на участие в судебном заседании. В этой связи сохраняют свою актуальность положения завершившейся «Национальной стратегии действий в интересах детей на период с 2012 по 2017 г.» (утв. Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761). Все еще актуален тезис о необходимости реформирования законодательства РФ в части, касающейся защиты прав и интересов детей путем приведения национального законодательства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными стандартами в области прав ребенка.

Использование таких методов научного познания, как: анализ научной литературы, системно-аналитический, формально-логический, системно-правовой позволили осуществить аналитический обзор действующего отечественного и зарубежного законодательства, доктринальных источников, определить специфику исследуемых правоотношений и выработать пути решения выявленных правовых проблем.

Итак, в юридической литературе исследуются вопросы о праве каждого ребенка быть услышанным и выражать свои взгляды. Это право необходимо для эффективного участия детей в уже инициированных судебных разбирательствах. В этой же статье предлагается проанализировать вопрос о том, что будет, если никто не инициирует судебного разбирательства? Тогда все дискуссии о возможности участия ребенка и необходимости предоставить

ребенку право и возможность выразить свое мнение утрачивают свою актуальность. Нет разбирательства – нет необходимости и возможности участвовать в нем.

В диссертационном исследовании «Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей» автором был предложен вариант имплементации концепции наилучших интересов несовершеннолетних в национальное законодательство – через закрепление принципа приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних [4, С. 10]. Предложенный принцип, как отмечалось в диссертационном исследовании, является двуединным, определяя с одной стороны, приоритетный характер защиты прав несовершеннолетних, с другой – наилучшее обеспечение интересов несовершеннолетних.

В данной статье будет рассмотрен вопрос о значении слов «приоритетная защита» использованных в названии предлагаемого принципа гражданского процессуального права. Означает ли принцип приоритетной защиты прав несовершеннолетних, что защита их прав будет осуществляться вперёд других субъектов, или лучше, чем по сравнению с другими субъектами?

Основные результаты

Прежде всего отметим, что в юридической литературе сложилось два подхода к пониманию термина «защита»: «узкий» и «широкий». Например, С. С. Юрьев отмечает, что в «широком» смысле, под защитой следует понимать любые меры общей и частной превенции, направленные на предупреждение противоправных деяний и устранение причин, их порождающих, и с этой точки зрения нормативное урегулирование желательных для законодателя правил поведения в соответствующей области общественных отношений может расцениваться как защита. В «узком» смысле под защитой понимается процесс реализации права на обращение в компетентные органы (прежде всего, в суд), а также осуществления иных правомерных действий для пресечения наличествующего нарушения охраняемых законом прав и интересов, т. е. для защиты «в узком смысле» необходим некий деликт [14, С. 10-11].

А. В. Панченко отмечает, что следует разграничивать охрану и защиту прав по следующим основаниям: – меры охраны всей совокупности прав и законных интересов личности осуществляются постоянно и возникают с момента появления самого права. Конкретное право охраняется до нарушения права, после нарушения права меры охраны не перестают действовать, они применяются параллельно с мерами защиты и независимо от их наличия. Более того, в этот момент меры охраны могут быть и усилены для достижения нужного эффекта. Меры защиты могут быть применены только в том случае, если права нарушены, оспорены или возникли иные препятствия при осуществлении права. При отсутствии данных условий необходимость в применении мер защиты не возникает» [7, С. 33].

Таким образом, исследование приоритетного характера защиты следует также проводить в двух контекстах «широком» и «узком».

Обоснование содержания принципа приоритетной защиты (охраны) прав несовершеннолетних исходя из «широкого» подхода к пониманию термина «защита».

Как уже было отмечено, в широком смысле под защитой можно понимать нормативное закрепление таких правил поведения, которые способны предотвратить нарушение прав и законных интересов субъектов права.

В свою очередь, лексическое значение слова «приоритетная», согласно толковому словарю С. И. Ожегова, соотносится по значению со словом «приоритет» и обозначает «самая важная, первенствующая» [11].

По нашему мнению, в рамках широкого подхода приоритетный характер защиты прав несовершеннолетних в гражданском процессе следует рассматривать как одну из руководящих, основополагающих идей по вопросам осуществления правосудия по гражданским делам с участием несовершеннолетних. В гражданском процессуальном праве следует закрепить принцип приоритетной защиты прав несовершеннолетних, сочетающий в себе теоретическое (идейное) начало – необходимость дальнейшего развития процессуального законодательства исходя из этой посылки и правовое начало, позволяющее толковать уже имеющиеся правовые нормы через призму данного принципа. Распространение указанного принципа возможно и на другие отрасли права, что будет способствовать созданию общего вектора развития общественных отношений с участием детей. Законодательное закрепление принципа приоритетной защиты прав несовершеннолетних будет способствовать предупреждению противоправного бездействия со стороны законных представителей.

Обоснование содержания принципа приоритетной защиты прав несовершеннолетних исходя из «узкого» подхода к пониманию термина «защита».

Понимание принципа приоритетной защиты прав несовершеннолетних в «узком» смысле осложнено тем, что право на обращение в суд имеет императивно установленные ограничения, налагаемые через определение возрастных границ гражданской процессуальной дееспособности. В силу положений ч. 3 ст. 37 ГПК РФ, абз. 2 ст. 56 СК РФ несовершеннолетние в возрасте до 14 лет не могут сами обращаться в суд, а по достижении 14 лет также ограничены в праве на самостоятельную защиту (ч. 4 ст. 37 ГПК РФ, абз. 3 ч. 1 ст. 56 СК РФ). Таким образом, принятие решения о необходимости защиты прав несовершеннолетнего, выбор способа защиты прав всецело подчинены воле и интересам законного представителя несовершеннолетнего. Между тем, в силу принципа диспозитивности гражданского процесса, если перед судом не заявлено соответствующего требования, механизм судебной защиты не запускается. Как результат нарушенное или оспоренное право несовершеннолетнего остается в состоянии незащищенности до того момента пока законный представитель или иное уполномоченное лицо не инициируют возникновение гражданского дела, либо пока о нарушенном праве ребенка не станет известно в ходе иного гражданского дела. Например, в силу ст. 196 ГПК РФ при вынесении решения о расторжении брака между супругами, имеющими совместных несовершеннолетних детей, суд должен принять меры к защите интересов несовершеннолетних. Так, абз. 2,3 ч. 2 ст. 24 СК РФ суду предписано разрешить вопросы об алиментировании и месте жительства несовершеннолетних.

Не вдаваясь в полемику о дефиниции принципа диспозитивности в гражданском процессе, согласимся с мнением М. К. Треушниковой в том, что нет необходимости смешивать материальную и процессуальную диспозитивность по причине производного характера процессуальной диспозитивности [3, С. 77]. Да, стороны распоряжаются

материально-правовыми требованиями посредством процессуальных действий, но отказ от требования не означает отказ от самого материального права.

Для целей настоящей статьи имеет значение как ограничивается диспозитивность в семейном праве и в гражданском процессуальном праве.

Прежде всего отметим, что ч. 3 ст. 1 СК РФ закреплён принцип обеспечения приоритетной защиты прав несовершеннолетних и других нетрудоспособных членов семьи. Основываясь на указанном принципе, Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» разъясняет, что алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются независимо от трудоспособности родителей и нуждаемости ребенка в алиментах (абз. 2 п. 18); в случае ненадлежащего расходования алиментов в интересах ребенка часть суммы алиментов может перечисляться на банковский счет ребенка (абз. 1, 3 п. 33).

В юридической литературе отмечается, что ограничение диспозитивности в сфере семейных правоотношений достигается через установление ограничений в выборе способов реализации субъективного права, средств достижения своих интересов, ограничение свободы усмотрения в процессе выбора конкретного варианта поведения управомоченного лица при осуществлении им своего субъективного права в форме правопользования [10, С. 34]. По мнению Л.М. Пчелинцевой ограничение диспозитивности в семейном праве достигается за счет ограничения свободы выбора, предоставляемой лицу в осуществлении индивидуальных интересов в сфере семейных отношений, в целях предотвращения эгоистического своеволия и анархизма, столкновений и конфликтов, а также обеспечения прав и интересов других членов семьи [9, С. 57].

Что же касается ограничения процессуальной диспозитивности, то все несколько иначе.

А. Г. Плешанов отмечает, что диспозитивные начала направлены среди прочего на обеспечение оптимального соотношения частноправового и публично-правового начал в цивилистическом процессе и на стимулирование активности лиц, лично заинтересованных в защите субъективных прав, путем предоставления широкого спектра процессуальных возможностей для получения желаемого судебного акта [8, С. 56]. Соглашаясь с указанным мнением, отметим, что несовершеннолетние априори слабая сторона, не имеющая реальной возможности использовать зачастую даже часть процессуальных возможностей, предоставленных взрослым. Соответственно, обозначенные проявления функциональной роли процессуальной диспозитивности в отношении несовершеннолетних не применимы.

Возникают вопросы: обязан ли родитель обращаться в суд с исками о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего подопечного, о взыскании неустойки за виновную просрочку уплаты алиментов? Обязаны ли законные представители обжаловать акты органов государственной власти, нарушающие права и законные интересы несовершеннолетних?

Если в семейно-правовом смысле ответ довольно однозначный в силу прямого указания ст. 56 СК РФ, то в процессуально-правовом смысле такой однозначности нет. В гражданском процессуальном праве действует принцип диспозитивности. Суд по своей инициативе возбуждать дела не может, а ребенок в возрасте до 14 лет обратиться с иском не вправе, как не вправе совершать и иные диспозитивные процессуальные действия. Какого-либо механизма ограничения процессуальной диспозитивности законных представителей несовершеннолетних не предусмотрено хотя сфера семейно-правовых отношений справедливо характеризуется существенным проявлением эгоистического своеволия, столкновений интересов. Полагаем, что процессуальные правоотношения, возникающие в рамках ст. 52 ГПК РФ также не лишены проявлений родительского своеволия и, как следствие, возникновения конфликтов интересов между несовершеннолетним и его законным представителем.

Следует отметить, что получила распространение практика отказа от взыскания алиментов на содержание несовершеннолетнего под предлогом того, что родитель-плательщик алиментов впоследствии взыщет алименты на свое содержание или под предлогом того, что, подавая иск о взыскании алиментов можно побудить второго родителя к общению с ребенком. Нельзя не отметить, что существуют и причины психоземotionalного характера, побуждающие законного представителя нарушать права ребенка на взыскание алиментов. К ним относятся гордость, обида и прочие.

В этой связи мерой защиты нарушенного материального права может стать исполнение обязанности по реализации права несовершеннолетнего на судебную защиту законным представителем под принуждением. Иными словами, несовершеннолетние не ограничены в праве на судебную защиту, законодательно установлена обязанность законного представителя обеспечить реализацию указанного права. Следовательно, обнаруживается необходимость предусмотреть меры государственного принуждения законных представителей несовершеннолетних к защите прав и законных интересов последних в судебном порядке, в случае, если иные способы защиты права не предусмотрены или неэффективны. Существующие меры административной ответственности (ст. 5.35 КоАП РФ) не эффективны.

В этом смысле, интересы ребенка в восстановлении нарушенного права приоритетнее права законного представителя осуществлять выбор способа защиты права подопечного. Вопрос о том будет ли предъявлен иск в защиту прав несовершеннолетнего возникать не должен. Право ребенка на судебную защиту не может ставиться в зависимость от субъективного усмотрения законного представителя. Как очень точно подмечено Н.С. Шерстневой: «Когда речь идет о ребенке, нет места праву свободного усмотрения» [12, С. 44].

В качестве еще одного аргумента в пользу закрепления предложенного принципа можно привести следующее. Закрепление в ст. 56 СК РФ права ребенка на защиту и корреспондирующей обязанности родителей защищать права и интересы детей (ст. 64 СК РФ) свидетельствует о том, что интересы ребенка являются приоритетными, предопределяющими дальнейшее поведение родителей, а не о том, что воля родителей господствует над интересами несовершеннолетнего.

Аналогичного подхода придерживается А.В. Юдин. Исследуя запреты и ограничения законного представительства в гражданском процессе, А.В. Юдин отмечает, что процессуальные и иные связанные с судопроизводством

обязанности законного представителя имеют общий вектор направленности – защита прав и законных интересов подопечных [13, С. 18].

По нашему мнению, предложенный принцип приоритетной защиты прав несовершеннолетних способен внести необходимые коррективы в действие принципа диспозитивности в гражданском процессе, минимизировать риски злоупотребления законными представителями несовершеннолетних процессуальными правами.

Следует отметить, что по смыслу ст. 55 Конституции РФ допускается ограничение прав родителей в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, действующее законодательство (ст. 70, 72, 73, 78 СК РФ и др.) предусматривает необходимость привлечения к участию в спорах о детях органа опеки и попечительства. Указанные нормы права являются важным проявлением приоритета защиты прав и интересов детей.

Вместе с тем, действие предложенного принципа не исчерпывается отмеченным ранее.

Также необходимо учесть, что право на личное участие несовершеннолетнего в судебном заседании урегулировано противоречиво. В силу ч. 3 ст. 37 ГПК РФ суд обязан привлекать к участию в деле несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, в отношении несовершеннолетних в возрасте до 14 лет ч. 5 ст. 37 ГПК РФ такого права суда не предусматривает. Однако, ст. 57 СК РФ предусмотрено право ребенка выражать свое мнение, а статьи 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 СК РФ предусматривают особую форму мнения ребенка – согласие, без которого суд не должен принимать соответствующего решения.

Немаловажной является финансовая несостоятельность (зависимость) несовершеннолетних от законных представителей. По этой причине несовершеннолетние не могут обратиться за юридическими услугами на возмездной основе, а получение бесплатной юридической помощи предусмотрено только для отдельных категорий несовершеннолетних (п. 4 ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»). Тем самым, право на судебную защиту, гарантированное в соответствии со ст. 46 Конституции РФ, всем, в этом аспекте также может быть поставлено в зависимость от воли законного представителя.

Немаловажно отметить, что автор придерживается позиции о выделении материального и процессуального юридического интереса [4, С. 37-39]. Каждый несовершеннолетний имеет право получать содержание от своих родителей, в том числе от родителя, проживающего отдельно. Материальный интерес сводится к получению причитающихся сумм алиментов. Этот интерес осознается родителями и удовлетворяется за счет совершения родителями активных действий – предоставления содержания. Когда право ребенка на получение алиментов нарушено, материальный интерес у ребенка не исчезает, но наряду с ним возникает потребность в защите нарушенного материального права (интерес к возникновению процесса). И эта потребность имеет достаточное социальное значение для того чтобы быть признанной в качестве самостоятельной, следовательно, нуждается и в специальном правовом регулировании.

Таким образом, исходя из «узкой» трактовки термина «защита» в сочетании с прилагательным приоритетная, предложенный принцип содержательно должен обозначать, что с точки зрения защиты юридического (процессуального) интереса несовершеннолетних к возникновению процесса, право ребенка на судебную защиту носит приоритетный характер по отношению к праву законного представителя выбирать способ защиты права, сроки реализации указанного права.

«Принципы гражданского процессуального права (процессуальные принципы), чтобы их применять при осуществлении правосудия, должны быть писанными, закрепленными в действующих правовых актах Российской Федерации, так как гражданский процесс имеет императивное начало» [1, С. 48].

Закрепление предложенного принципа приоритетной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних как принципа гражданского процессуального права породит научную дискуссию. В частности, может возникнуть вопрос о толковании данного принципа. Может ли в силу данного принципа возникнуть ситуация, что иски, поданные в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, будут рассматриваться во внеочередном порядке? Полагаем, что существование предпосылок для подобной трактовки принципа приоритетной защиты прав несовершеннолетних исключается известной формулой: права человека заканчиваются там, где начинаются права другого. Соответственно, нет необходимости рассматривать споры, связанные с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних во внеочередном или ускоренном порядке. Более того, законодательно закреплены случаи, когда суду дозволяется обеспечить защиту прав детей на период рассмотрения дела, например, ст. 108 СК РФ.

Заключение

Таким образом, приоритетный характер защиты прав и законных интересов детей может рассматриваться как нормативно закрепленное, обязательное правило поведения лиц, осуществляющих охрану и защиту прав и законных интересов ребенка, выявлять действительные интересы ребенка (с учетом возраста, состоянием развития ребенка и других факторов) и защищать именно их, даже если они вступают в противоречие с собственными интересами.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Амосов С.М. Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права / С.М. Амосов, С.Ю. Некрасов // Академический юридический журнал. — 2020. — № 4(82). — С. 48-52.
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 45. — Ст. 955.
3. Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. — М., 2003. — С. 77
4. Карпеева Е.В. Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей: дис. ... канд. юр. наук / Карпеева Екатерина Вячеславовна. — Екатеринбург, 2022. — 231 с.
5. Кобилова С.Л. Права ребенка и гарантии их защиты в международном и российском законодательстве / С.Л. Кобилова, Е.А. Леонтьева // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия законодательного выражения и юридической практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23-24 апреля 1998 г). — Екатеринбург, 1999. — 439 с.
6. Международная защита прав и свобод человека / Сост. и авт. вступ. ст. Г.М. Мелков. — Москва: Юрид. лит., 1990. — 661 с.
7. Панченко В.Ю. Самоохрана прав и законных интересов как самостоятельный юридический феномен / В.Ю. Панченко, А.В. Пушкина // Академический юридический журнал. — 2020. — № 2(80). — С. 30-41.
8. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юр. наук / Плешанов Александр Геннадьевич. — Екатеринбург, 2001. — 284 с.
9. Семейное право России. — М.: Норма, 2004 — 688 с.
10. Субботина Е.В. Особенности осуществления прав и исполнения обязанностей в брачно-семейных отношениях / Е.В. Субботина // Семейное и жилищное право. — 2012. — № 3. — С. 34-37.
11. Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой — URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/prioritetnyj> (дата обращения: 13.02.2024).
12. Шерстнева Н.С. Обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних как принцип семейного права / Н.С. Шерстнева // Семья и право (к 10-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации): Материалы научно-практической конференции (Москва, 5-6 декабря 2005 г.) / Отв. ред. Л.Ю. Михеева. — М., 2005. — 578 с.
13. Юдин А. Запреты и ограничения законного представительства в гражданском судопроизводстве (процессуальные новеллы Федерального закона "Об опеке и попечительстве") / А. Юдин // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 10. — С. 17-22.
14. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств: (Теорет.-правовые аспекты) / С.С. Юрьев. — Москва: Эдиториал УРСС, 2000. — 364 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Amosov S.M. Sovremennye tipy pravoponimaniya i pravorealizacija principov grazhdanskogo processual'nogo prava [Modern types of legal understanding and enforcement of the principles of civil procedural law] / S.M. Amosov, S.Ju. Nekrasov // Akademicheskij juridicheskij zhurnal [Academic Law Journal]. — 2020. — № 4(82). — P. 48-52. [in Russian]
2. Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR [News of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. — 1990. — № 45. — Art. 955. [in Russian]
3. Grazhdanskij process [Civil process] / Ed. by M.K. Treushnikov. — M., 2003. — P. 77 [in Russian]
4. Karpeeva E.V. Zashhita v grazhdanskom sudoproizvodstve prav nesovershennoletnih, ostavshihhsja bez popechenija roditelej [Protection in civil proceedings of the rights of minors without parental care]: dis. ... PhD in Legal Sciences / Karpeeva Ekaterina Vjacheslavovna. — Yekaterinburg, 2022. — 231 p. [in Russian]
5. Kobilova S.L. Prava rebenka i garantii ih zashhity v mezhdunarodnom i rossijskom zakonodatel'stve [Rights of the child and guarantees of their protection in international and Russian legislation] / S.L. Kobilova, E.A. Leont'eva // Publichnoe i chastnoe pravo: problemy razvitija i vzaimodejstvija zakonodatel'nogo vyrazhenija i juridicheskoi praktiki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (23-24 aprelja 1998 g) [Public and private law: problems of development and interaction of legislative expression and legal practice: materials of the All-Russian scientific-practical conference (23-24 April 1998)]. — Yekaterinburg, 1999. — 439 p. [in Russian]
6. Mezhdunarodnaja zashhita prav i svobod cheloveka [International defence of human rights and freedoms] / Comp. and author of the introductory article G.M. Melkov. — Moscow: Legal lit., 1990. — 661 p. [in Russian]
7. Panchenko V.Ju. Samoohrana prav i zakonnyh interesov kak samostojatel'nyj juridicheskij fenomen [Self-protection of rights and legitimate interests as an independent legal phenomenon] / V.Ju. Panchenko, A.V. Pushkina // Akademicheskij juridicheskij zhurnal [Academic Law Journal]. — 2020. — № 2(80). — P. 30-41. [in Russian]
8. Pleshanov A.G. Dispozitivnoe nachalo v sfere grazhdanskoj jurisdikcii: problemy teorii i praktiki [The dispositive beginning in the sphere of civil jurisdiction: problems of theory and practice]: dis. ... PhD in Legal Sciences / Pleshanov Aleksandr Gennad'evich. — Yekaterinburg, 2001. — 284 p. [in Russian]
9. Semejnoe pravo Rossii [Russian family law]. — M.: Norma, 2004 — 688 p. [in Russian]
10. Subbotina E.V. Osobennosti osushhestvlenija prav i ispolnenija objazannostej v brachno-semejnyh otnoshenijah [Features of the exercise of rights and fulfilment of obligations in marriage and family relations] / E.V. Subbotina // Semejnoe i zhilishhnoe pravo [Family and housing law]. — 2012. — № 3. — P. 34-37. [in Russian]
11. Tolkovyj slovar' S. I. Ozhegova, N. Ju. Shvedovoj [Explanatory Dictionary by S. I. Ozhegov, N. Y. Shvedova] — URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/prioritetnyj> (accessed: 13.02.2024). [in Russian]
12. Sherstneva N.S. Obespechenie prioritetnoj zashhity prav i interesov nesovershennoletnih kak princip semejnogo prava [Ensuring priority protection of the rights and interests of minors as a principle of family law] / N.S. Sherstneva // Sem'ja i

pravo (k 10-letiju prinjatija Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii): Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 5-6 dekabnja 2005 g.) [Family and Law (to the 10th anniversary of the adoption of the Family Code of the Russian Federation): Materials of the scientific-practical conference (Moscow, 5-6 December 2005)] / resp. ed. L.Ju. Miheeva. — M., 2005. — 578 p. [in Russian]

13. Judin A. Zaprety i ogranichenija zakonnoho predstavitel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve (processual'nye novelly Federal'nogo zakona "Ob opeke i popechitel'stve") [Prohibitions and limitations of legal representation in civil proceedings (procedural novelties of the Federal Law "On guardianship and trusteeship")] / A. Judin // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process [Arbitration and Civil Procedure]. — 2008. — № 10. — P. 17-22. [in Russian]

14. Jur'ev S.S. Pravovoj status nacional'nyh men'shinstv: (Teoret.-pravovye aspekty) [Legal status of national minorities: (Theoretical-legal aspects)] / S.S. Jur'ev. — Moscow: Jeditorial URSS, 2000. — 364 p. [in Russian]